

Историческое время наших дней является переломным как в судьбах нового образа жизни глобального человечества, так и в архитектуре. Урбанизация набирает силу. Люди заселяют многоэтажные жилые комплексы. Дом, превратившись в городскую квартиру, с трудом возвращается к природе. Встает вопрос: как, отказавшись от стандартов типового строительства, избежать безвкусной эклектики и наивной утопии? Сегодня так и не удалось теоретически обосновать связь архитектурного стиля с образом жизни, а без этой связи понятие «стиль» теряет смысл. Жилищный вопрос становится сегодня вопросом уже не о крыше над головой, а о смысле и новой жизни современного понятия «дом».

Ключевые слова: жилищный вопрос; дом; утопия; стиль; кризис архитектуры./

Дом: обратная перспектива / Home: reverse perspective

текст
Александр Раппапорт
(Латвия)
text
Alexander Rappaport
(Latvia)

*И снится нам трава, трава у дома,
Зеленая, зеленая трава.*

А. Поперечный

Обратная перспектива

Дом человеку европейской культуры дан как икона в обратной перспективе: образы далекого прошлого в нем становятся близкими. Кочевые народы, принимая оседлый образ жизни, привносят в дом свой культ Неба, сливающийся с европейскими образами рая и утопии.

Парадоксальное сближение Востока и Запада еще не завершено. Иногда такое сближение обогащает, иногда обедняет тысячелетние традиции противоположных культур. Когда полифоническая гармония культур сможет уравновесить их конфликты, мы еще не знаем.

Прямая перспектива и дорога уводит взгляд вдаль, в будущее. Обратная – смотрит из глубины мира в его центр, в человека, его сердце, его дом. Постигание смысла своего дома идет синхронно постижению самого себя.

Жилищный вопрос

Историческое время наших дней остается туманным и переломным, как в судьбах нового образа жизни глобального человечества, так и в архитектуре, когда сам «дом», превратившись в городскую квартиру, с трудом возвращается к природе. Бесполезно винить в этом историю, заказчиков, архитекторов, дизайнеров, теоретиков архитектуры. Не спасают и гуманитарные науки, предлагающие системы понятий, из которых следует только то, что «что-то идет не так». Кризис городской культуры бесспорен, а выхода из него не видно. В архитектуре это сказывается, в частности, в утрате стиля, отражающего реалии современного образа жизни

«Война слишком серьезное дело, чтобы доверять его военным» – эти слова Талейрана, сказанные более ста лет назад, сегодня можно отнести и к архитектуре. Архитекторам доверять «жизнестроительство» опасно. Попытки авангарда осчастливить человечество себя не оправдали. Заявки авангарда на жизнестроительство себя не оправдали, будущее строится не по проектам, а по законам рынка, способного видеть не далее ближайшего сезона.

Талейран считал, что за успехи в войне несут ответственность политики, но сами политики не способны решать содержательные проблемы, которые остаются в ведении профессий, сегодня, увы, неготовых к их решению. Политики требуют от профессий решения проблем. Профессии в ответ требуют от политиков создания соответствующих условий. Заказчик и архитектор стоят перед рискованным выбором и стиля, и образа жизни.

В одних странах урбанизация набирает силу и люди заселяют многоэтажные жилые комплексы, в других – семьи мечтают вернуться к природе и жить в собственных домах. Но мечты среднего горожанина чаще всего воплощаются в унылых пригородах на небольших садовых участках.

В последние годы вновь появляется элита, имеющая возможность не подчиняться общим нормам. В результате нередко появляются образцы квартир и загородные особняки в духе вульгарного китча. Но встречаются заказчики и архитекторы, готовые, сохраняя верность принципам аристократического совершенства, предлагать новые образы жизни на природе. Научно и беспристрастно оценить результаты таких экспериментов невозможно: у науки нет никаких критериев совершенства – она не может быть вкусовым арбитром.

Тем не менее критика и теоретический анализ сохраняют свой смысл, потому что и заказчики, и архитекторы не прочь посмотреть на себя со стороны – пусть даже в тусклое зеркало.

Такой взгляд не может быть застрахован от ошибок и глупостей. Чтобы избежать их, стоит отказаться от претензий на объективность суждений и сосредоточить внимание на природе трудноразрешимых вопросов. Ибо глупых вопросов не бывает, а «жилищный вопрос» становится сегодня вопросом уже не о крыше над головой, а о смысле и новой жизни современного понятия «дом».

Эклектика и утопия

Вначале спросим себя, как, отказываясь, от стандартов типового строительства, избежать безвкусной эклектики и наивной утопии. Начиная с авангарда архитектура старается отказаться от самого понятия «стиль» и заменить его методом, но запутавшись в методах, все еще пестрит «измами». Сегодня так и не удалось теоретически

The historical time of our days is a turning point both in the destinies of the new way of life of global humanity and in architecture. Urbanization is gaining momentum. People inhabit multi-storey residential complexes. Having turned into a city apartment, home hardly returns to nature. The question arises as to how to avoid gaudy eclecticism and naïve utopia when abandoning the standards of standard construction. Today, it has not been possible to theoretically substantiate the connection between architectural style and lifestyle, and without this connection, the concept of "style" loses its meaning. Today, the "housing issue" is no longer a question of a roof over your head, but of the meaning and new life of the modern concept of "home".

Keywords: housing issue; home; utopia; style; crisis of architecture.

обосновать связь архитектурного стиля с образом жизни, а без этой связи понятие «стиль» теряет смысл.

Исторические стили наследовались в рамках определенных сословий, внутри которых воспроизводство старых образцов и стилей поощрялось культурной традицией. Исключение составляла готика, появившаяся как бы на пустом месте. Попытки создать новый стиль как выражение нового образа жизни появились в новаторских утопиях XX века. Но сегодня и утопии, и антиутопии прошлого века, не вошедшие в быт, уже никого не соблазняют. Утопический дискурс практически вышел из употребления.

Понятие китча, как и понятие стиля, остается исторически неясными. Они стали головной болью эстетики, ищущей примирения «традиций и новаторства». Что касается архитектуры роскошных особняков, то опыты в поисках нового образа жизни все чаще возвращаются от космических фантазий к стилю дворянских гнезд XIX века, построенных по лекалам классического ордера. Отказ от пляски под дудочку модных журналов приводит к проектным экспериментам, играющим роль своего рода «синхрофазотрона», как устройства синхронизации фаз и векторов развития культуры, различных для разных народов и культур.

Проекты и постройки, не приемлющие китча и ищущие новый синтез городской и усадебной культуры, попадают в разряд уникальных экспериментов. Тут игра воображения невольно обращается к старинным дворцам и особнякам, монастырям, хижинам отшельников и космическим станциям. Но искусство потому и искусство, что готово играть в эту игру. Возможно, что иным путем никогда и не удастся найти синтез художественных и архитектурных форм прошлого и современной техники, способный превратить экстравагантную эклектику в органическую «полифонию» нового стиля.

Метода такого синтеза не дали ни авангард, ни поп-культура, так что оценка подобных опытов остается интуитивной. Но чтобы обсуждать их конструктивно, можно опираться на категории и архетипы, такие как стиль, граница, субстанция, пространство и время и, наконец, сама бессмертная категория – «дом».

Граница жилища и стекло

Огромные витринные стекла в современной архитектуре заменяют стены. Они позволяют устранить визуальную преграду между миром природы и интерьером. Но тут мы сталкиваемся с новой двойственной ролью стен. В европейской и во многих восточных архитектурных традициях границы жилища, воплощаясь в массивных и непроницаемых стенах, служили средством и символом защиты обитателя от угроз постороннего вторжения в интимный мир семьи. Заменяя их сплошным стеклом, уничтожающим видимую преграду и как бы приглашающим природу войти в дом, мы отчасти выгоняем себя на улицу.

Приходится пристальнее взглянуть в саму концепцию границы, по-разному понимаемой оседлыми и кочевыми народами, которые сегодня существуют в тесной связи. Бывшие кочевники живут в городах, а горожане путешествуют по миру. Эти метаморфозы обнаруживаются и в понимании стены и окна.

Границы миров в современной культуре смещаются не только в реальных сооружениях, но и в средствах современного технического мышления, таких как языки схемы и чертежа, преобразующих архаические способы восприятия смыслов материальной культуры, в особенности выполненных на компьютерах, и тем самым как бы теряющих связь с рукой художника. Нечто аналогичное происходит в проектном языке, основная часть слов которого, как и всех языков нашей культуры, все еще обозначает вещи и их свойства. Но у нас совсем мало понятий, обозначающих отношения вещей и людей к предметной и пространственной среде. Не исключено, что именно поэтому и претензии архитектуры на «жизнестроительство» остаются скорее в сфере желаемого, чем действительного.

Но не сама ли эта скудость языка одаряет наши чувства и переживания свободой воображения? Так что повсюду мы сталкиваемся с двойственностью и парадоксами.

Как сегодня меняется драматургия семейной жизни, мы не знаем. Мир меняется и в границах частного дома, и на всем пространстве планеты, не имея готовых рецептов освоения новой свободы и новых конфликтов.

Стеклопанельная стена, уничтожая границу между внешним и внутренним, не только делает природу «домашней»,

но и лишает ее романтической магии. Немецкие романтики видели в природе не столько естественность, сколько тайную игру сил, вызывающих и слияние, и отчуждение. Стена служила оградой и от непогоды, и от злых духов, а окна становились магическим посредником между домом и лесом. Узкое окно было своего рода оптическим прибором, обостряющим контраст внутреннего и внешнего мира. Гигантские стеклянные стены рассеивают остроту такого созерцания и устраняют магию, вызывая лишь успокаивающее ощущение единства внешнего и внутреннего пространства. Но этот прием становится парадоксом, ибо приглашая природу в интерьер, он отчасти выставляет хозяев на улицу.

Огромные стеклянные стены даже притупляют остроту зрения и, делая видимым целое, мешают сосредоточиться на частностях. Расширяя поле зрения, они несколько притупляют его остроту.

Другой парадокс больших стекол касается феномена подглядывания. Созерцая природу из интерьера, мы как бы подглядываем за ней, как прохожие подглядывают в чужие окна. Стена из стекла, оптически разрушая границу внешнего и внутреннего, компенсирует это сближение новым отчуждением, делая саму рефлексию новой формой разделения миров, тогда как узкое окно эти миры связывает, не допуская их слияния. Что же делает эти стены-окна столь привлекательными? Не исключено, что своего рода жадность. Мы следуем потребительскому убеждению, что «чем больше – тем лучше», и объедаемся, полагая, что только обретаем, хотя на самом деле и теряем.

Стеклянные стены до сих пор не стали предметом теории или феноменологии архитектуры. Попробую назвать два направления такого рода проблем, ждущих исследователя. Прежде всего это специфическая беспредметность стекла. Ибо стекло, оставаясь строительным материалом достаточно высокой прочности и обладающее многими свойствами прежних ограждающих конструкций, визуально почти отсутствует. Второе направление касается движения, времени и памяти. Разница механизмов восприятия пространства зависит от скорости перемещения человека. При наблюдении быстро меняющегося ландшафта из небольшого окна поезда или автомобиля восприятие невольно выявляет самые важные ориентиры, в то время как вид из окна покоящегося сооружения свободно меняет масштаб и может сосредоточиться и на целом, и на деталях. Связь этих способов восприятия до сих пор почти не изучена.

Замена каменных и деревянных стен сплошным стеклом рождает неожиданные ассоциации. Люди оказываются на месте экзотических растений или аквариумных рыб. Память воскрешает описание подводной лодки капитана Немо в романе Жюль Верна, фантастического человека-амфибию Александра Беляева и утопические предвидения подводной жизни Жака Кусто. Обращение к глубинам океана позволяет вспомнить, что есть и другой вариант элитарного отшельничества – океанские яхты. Уже сегодня гигантские яхты миллиардеров становятся плавучими домами, которые лет через сто могут превратиться и в частные субмарины.

Сохранится ли в такой перспективе дом как родовое и родное гнездо семьи? Такой вопрос возникает в профессиональном сознании, поскольку сама идея дома уже настолько срослась с его архитектурным прототипом, что его интимность, как след воспоминаний, заслоняется новой обстановкой. К пространственным эффектам тут нельзя не добавить эффекты переживания времени и памяти в их широкой культурно-исторической судьбе, и в частности рассмотреть мотив преодоления стены в контексте столкновения кочевой и оседлой культуры.

От утопий к снам

Язык – дом бытия.

М. Хайдеггер

Ле Корбюзье сказал: «Дом – машина для жилья». Сегодня сам человек становится машиной. В отличие от автомобиля, у дома нет фар, освещающих путь. Но дом освещен солнцем и... любовью, о которой забыли функционалисты. Не став машиной, дом сделался местом для сна. Любовь XX века уходит в сновидения, в темный зал кино и... всегда таинственно играющую теньми архитектуру.

Внук Чингисхана, владыка Китая XIII века хан Хубилай, показал итальянскому купцу Марко Поло свой дворец, архитектурное воплощение сна, приснившегося императору в состоянии опийного опьянения. В XIX веке этот же сон явился в наркотическом трансе английскому поэту Кольриджу, а его современник, Пушкин, вложил в уста Татьяны слова, в которых дворец уступает место памяти [3]:

...Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, встретила я вас...

Эпилог

Что же случилось с домом и стилем за последние сто лет? Отказавшись в начале прошлого века от стиля и ордера, т. е. от классицизма усадеб и уюта традиционной избы, архитекторы обрели свободу сближения авангарда и традиций мировых культур. Но одновременно был утрачен репертуар форм как надежный способ взаимопонимания людей, в том числе архитектора с заказчиком, и, наконец, самый предмет архитектуры, начавшей стремительно превращаться в дизайн.

Проблемы поиска архитектурного стиля и дома как образа жизни в новом тысячелетии еще долго будут ставиться и решаться в мире, постепенно осваивающем возможности свободной индивидуальности.

Судьба дома и архитектуры зависят от путей цивилизации. Будущим поколениям зодчих придется отвечать на вопросы, которые я попытался обозначить в рамках категорий, популярных среди теоретиков моего поколения, – дома и стиля. Теперь архитектура – в руках его будущих обитателей и будущих поколений зодчих. Пригодятся ли им категории пространства и времени середины XX века – не знаю.

Литература

1. Heidegger, M. *Sein und Zeit // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung*. Band. VIII. – Halle : Max Niemeyera, 1927. – 438 s.
2. Пятигорский, А. М. *Избранные труды*. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 594 с.
3. Пушкин, А. С. Евгений Онегин. – URL: <http://www.poetry-classic.ru/8-46.html> (дата обращения: 27.01.2024).
4. Эко, У. *Остров накануне*. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2001. – 496 с.

References

- Eco, U. (2001). *Island of the Day Before*. St. Petersburg: Symposium.
- Heidegger, M. (1927). *Sein und Zeit. Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung*. Band. VIII. Halle: Max Niemeyer.
- Pushkin, A. S. (n.d.). Eugene Onegin - Chapter VIII - Stanza XLVI. Retrieved January 27, 2025, from <http://www.poetry-classic.ru/8-46.html>
- Pyatigorsky, A. M. (1996). *Selected Works*. Moscow: Languages of Russian Culture.